

А. П. КАЖДАН, Б. Л. ФОНКИЧ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ АКТОВ ЛАВРЫ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Подготовленное Ж. Руйар и П. Колломом первое издание грамот из архива афонской Лавры св. Афанасия¹ вышло в 1937 г. и сыграло огромную роль в развитии византиноведения. С одной стороны, оно знаменовало утверждение новых принципов публикации византийских документов, а с другой — дало в руки ученых обильный материал для постановки или пересмотра ряда существенных вопросов, касающихся социальной, административной, политической и церковной истории X—XII вв. Уже Ф. Дэльгер в подробном разборе издания обратил внимание на реальное содержание многих актов Лавры², а вслед за тем лаврские грамоты вдохновляли таких византинистов, как Г. А. Острогорский и И. Дуйчев.

Почему же через сравнительно небольшой срок коллектив французских ученых — П. Лемерль, А. Гийу, Н. Зворонос при участии Д. Папахрисанфу — в V томе «Архивов Афона» счел возможным и необходимым переиздать лаврские грамоты³, составившие в свое время первый том этой же серии? Конечно, критики Руйар и Коллома сумели внести ряд поправок в их чтение, уточнить датировку многих грамот и разъяснить отдельные места в них, — однако все это, нам думается, не составляло бы настоящей причины для столь стремительного переиздания. Только то обстоятельство, что французские ученые, начавшие как продолжатели Руйар и Коллома, сумели обнаружить новые материалы для восстановления лаврского архива, заставило П. Лемерля и его сотрудников снова вернуться к ранним грамотам Лавры.

Во-первых, А. Гийу во время своей поездки на Афон в 1957 г. (совместно с Ж. Бонпером) и особенно в 1958 г. сфотографировал ряд оригиналов и старых копий грамот, которые либо вовсе не были известны Руйар и Коллому, либо были известны им по поздним спискам⁴. Во-вторых, удалось найти и сфотографировать два старых лаврских картулярия: один — составленный монахом Кириллом во второй половине

¹ Archives de l'Athos, I. — Actes de Lavra. T. I (897—1178). Édition diplomatique et critique par J. Rouillard et P. Collomp. Paris, 1937, (далее — RC).

² F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. — BZ, 39, 1939, S. 23—66.

³ Archives de l'Athos, V. — Actes de Lavra. Première partie: dès origines à 1204. Édition diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos avec la collaboration de D. Papachryssanthou. Paris, 1970.

⁴ A. Guillou, J. Bompaire. Recherches au Mont Athos. — BCH, 82, 1958, p. 172—192; A. Guillou. Nouvelles recherches au Mont Athos. — BCH, 83, 1959, p. 553—558.

XVIII в.⁵, другой — написанный монахом Феодоритом и датированный 1803 г.⁶ Наконец, издатели смогли использовать рукописный инвентарь архива Лавры, составленный в 1944—1945 гг. лаврским библиотекарем Пантелеимоном. Все это значительно расширяло круг источников и побуждало к ревизии издания Руйар и Коллома.

Новое издание включает 69 грамот — от 897 до 1196 г., а также шесть документов, помещенных в Приложении, тогда как Руйар и Коллом опубликовали 58 актов. Из этих 58 актов три вовсе не включены в новое издание: RC №№ 5, 44 и 58. Издатели, к сожалению, не оговаривают, почему это сделано, но в письме от 16 августа 1971 г. Лемерль сообщил о руководивших им причинах. RC № 5, решение солунского стратига Катакона от 943 г. о разграничении владений афонских монахов и жителей кастрона Иериссо, не принадлежит к собственно лаврскому архиву и должно быть помещено в «Актах протата», подготавливаемых Д. Папахрисанфу. RC № 44, императорский сигиллий, текст которого не читается, кроме отдельных слов, и минологимы, был атрибуирован Руйар и Колломом на основании печати Алексею I и датирован по индикту 1090 или 1105 г., однако Лемерль предполагает, что сигиллий принадлежал кому-то из Палеологов — Михаилу VIII или Андронику II; соответственно он должен занять место во втором томе «Актов Лавры»⁷. Не принадлежит к лаврскому архиву и RC № 58 — решение патриарха Харитона, касающееся общеафонских дел⁸.

Далее, два акта перенесены в новом издании в Приложение. Это, во-первых, RC № 14 (=Прилож. № 6), дарственная 1012 г., принадлежащая к архиву не Лавры, а Ивирского монастыря, — в ней Евфимий (Ивир) передает своему духовному сыну Иоанну землю, приобретенную им за три номисмы; во-вторых, RC № 22 (=Прилож. № 3), решение прота Иоанникия, которое издатели считают подделкой.

Таким образом, новое издание содержит (не считая Приложения) 16 документов, отсутствовавших в RC. Один из них (№ 16) был опубликован еще Порфирием Успенским⁹, другой (№ 53) издал Гийу¹⁰. Кроме того, около 20 актов опубликовано теперь по оригиналам и древним копиям в тех случаях, когда Руйар и Коллом могли опереться только на картулярии. Наконец, при отсутствии оригиналов П. Лемерль и его сотрудники имели возможность использовать картулярии Кирилла и Феодорита, остававшиеся недоступными для их предшественников. Все это позволило во многих случаях исправить опубликованный ранее текст, уточнить даты некоторых актов, установить подписи должностных лиц и монахов.

Издание состоит из двух частей: одна содержит текст и аппарат, другая — альбом. Альбом значительно полнее, чем в RC (80 таблиц против 30), причем документы воспроизводятся полностью, а не во фрагментах, даже если они велики по размерам и требуют нескольких таблиц. К сожалению, качество репродукций хуже, чем в первом издании, и при возможности приходится обращаться к альбому RC.

⁵ См. А. Guillou. Les débuts de la diplomatie byzantine: Cyrille de Lavra. — BCH, 82, 1958, p. 610—634.

⁶ См. Е. Kourilas. Θεοδώρητος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ κωδικογράφος. — ВЗ, 44, 1951, S. 343—346.

⁷ См. F. Dölger. Op. cit., S. 25, Anm. 2.

⁸ V. Grumel. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, № 1151. Руйар и Коллом датировали патриаршество Харитона 1177/8 г., Грюмель — 1178/9 г.

⁹ Порфирий Успенский. Восток христианский. Афон. Второе путешествие по св. горе Афонской. М., 1880, стр. 470—472.

¹⁰ А. Guillou. Actes de Lavra I (Supplementum). — BCH, 81, 1957, p. 722—724. Частично издано: Александр Лаврский. Ἀδελφίτις σταθ. — ВВ, IX, 1902, стр. 128 и сл., № 18.

Текст каждой грамоты предваряется аппаратом, содержащим дипломатическую характеристику (тип акта и дата), развернутый заголовок (лемма), палеографическое описание, изложение содержания, библиографию и комментарий ко всему документу (в том числе обоснование даты, если она не содержится в самом тексте) и к отдельным местам — наиболее сложным или наиболее важным. Всей книге предшествует обширное введение (стр. 3—77), распадающееся на три раздела: «Архивы Лавры и настоящее издание» (П. Лемерль), «Хронология Лавры от основания до 1204 г.» (П. Лемерль) и «Владения Лавры до 1204 г.» (Н. Зворонос). Удобные карты помогают представить себе рост земельной собственности монастыря. Наконец, все имена и термины сведены в единый алфавитный указатель (стр. 375—441) — в отличие от РС, где помещена была серия указателей, относящихся к разным сферам (личные имена, топонимы, административные термины и т. п.).

Текст публикуется по двум системам. Оригиналы и древние копии издаются дипломатически, т. е. с соблюдением разбивки строк, орфографии, знаков и т. п. Только в одном случае (№ 35) издатели сочли необходимым дать полную транскрипцию документа в соответствии с орфографическими нормами — в остальном они ограничивались указаниями нормативного правописания наиболее искаженных слов (в подстрочных примечаниях). Акты, сохранившиеся только в картуляриях, изданы критически. Критический аппарат максимально облегчен — в частности, не указываются (за редким исключением) ошибочные чтения в предшествующих публикациях.

Дипломатическое воспроизведение оригинала осуществляется со столь последовательным ригоризмом, что издатели стремятся даже соблюсти пространственное соответствие между буквой и надстрочным знаком — вопреки нормам правописания, а именно: они пишут $\delta\iota\varsigma$ (№ 9.14) или $\epsilon\iota\varsigma$ (№ 44.8). Этот геометрический ригоризм нам кажется чрезмерным: его последовательное осуществление должно было бы привести к сдвигу надстрочных знаков и в ряде других случаев, причем не только с гласной на гласную (например, в № 51 стк. 7—8: $[\pi\alpha]ρ\epsilon\iota\delta\epsilon$, стк. 14: $\delta\iota$), но и с гласной на согласную [№ 50.89: $\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\mu\alpha\tau(\omega\nu)$, № 53.39: $\text{'}\text{A}\rho\mu\epsilon\nu(\eta\varsigma)$].

Репродукции грамот отчетливо показывают, сколько героического труда требовалось подчас от издателей, чтобы восстановить связный текст: многие документы дошли в поврежденном виде, с оборванными краями, с выцветшими строками. Иногда приходилось реставрировать фразы по нескольким уцелевшим буквам, в которых угадывались стереотипные формулы. В качестве примера можно указать на судебное решение Иоанна Велисария от мая 1196 г. (№ 67), где, помимо множества дыр на бумаге, чернила левой части свитка почти совсем стерлись, — и тем не менее документ восстановлен в своей основной части.

Критическое издание картуляриев порождало трудности иного рода: конечно, поздние переписчики писали ясно и их списки сохранились неповрежденными, но они сами нередко допускали погрешности — частично по невнимательности, иногда из-за недопонимания текста, частично же из-за неисправности доступных им оригиналов. В картуляриях часты ошибки в дате (несоответствие года и индикта), встречаются искажения имен, извращение смысла. Многое удалось исправить. Отметим важную конъектуру к № 43.12—13, где вместо $\tau\omega\nu\ \text{id}\iota\omega\nu\ \mu\epsilon\rho\omega\nu\ \epsilon\kappa\tau\epsilon\sigma\omega\varsigma\ \sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\omega\varsigma$ (как стоит в картулярии Феодорита и в позднем списке Спиридона, согласно которому акт издан РС № 36) издатели предлагают читать $\tau\omega\nu\ \text{id}\iota\omega\nu\ \mu\eta\delta\acute{\omicron}\lambda\omega\varsigma\ \epsilon\kappa\tau\epsilon\sigma\omega\varsigma\ \sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\omega\nu$, что коренным образом меняет смысл документа: хрисовул Алексея I жалует монастырю амальфитян только запустевшие, выморочные земли, тогда как владельцы, оставшиеся на своих наделах, должны сохранять собственность и платить подати (см. комментарий на стр. 237).

Несмотря на высокое качество издания, гарантированное уже самим составом авторского коллектива, позволим себе несколько поправок и предложений, касающихся прочтения текста.

№ 6.13, 14, 24: λ[β]'. Издатели сами (стр. 107) отмечают, что число париков, передаваемых Лавре, стерто. Они восстанавливают вторую цифру в соответствии с числом париков, поименно названных в грамоте. Однако в стк. 14 на фотографии довольно отчетливо видна стигма, и число, видимо, надо восстанавливать не 32, а 36. То, что оно не сходится с числом поименованных крестьян, это уже проблема византийского делопроизводства — недаром документ сохранил следы подчистки.

№ 9.2-3: [τοῦ Στω]λαρίου. RC № 10 восстанавливали [Στε]λαρίου, что в какой-то мере подтверждается пометой XVI—XVII вв. на пергаменной копии: Διὰ τὸ Στελεῖάρι (см. стр. 119).

№ 9.50. Изъятие сигнатуры игумена Симеона из числа подписей под актом 991 г. и перемещение ее в аппарат произведено, нам кажется, без достаточных оснований: трудно, конечно, судить по снимку, уменьшенному по сравнению с оригиналом почти в три раза, но эта подпись не производит впечатления неподлинности.

№ 9.54. Латинская подпись монаха Иоанна должна стоять не на стк. 54, а на стк. 45, после подписи Дорофея (так RC) (ср. стк. 51: подпись Арсения после Или). Восстановление в этой подписи *inter. . . testes* кажется нам произвольным. Во всяком случае, следовало указать на другую возможность, в частности на предложенное RC: . . . . *fit* (anus), т. е. *Amalfitanus*.

№ 20.12. Восстановление [με]ταπ[οι]ῆσαι не кажется нам убедительным. Во-первых, не видно места для [με], во-вторых, ниже отсутствует предлог εἰς, который следовало бы ожидать после μεταποῆσαι. Ср. μεταποιηθέντα εἰς καλλιέλαιον (стк. 18—19).

№ 32.3: строка повреждена. Издатели читают: * . . . . . τλεϋ . . . . . τ(ῶν) . . . . . * . . . . τοῖς κοσμηκοῖς. Однако нам кажется, что ориентировочное восстановление строки возможно. От первой буквы сохранилась лишь верхняя петля, напоминающая скорее δ, чем κ. В соответствии с предыдущей строкой предполагаем: τὸν πν(ευματικὸν) διανύοντες ||³ δ[ρόμον]. Далее, вместо τλεϋ явно надо читать πλέον (ср. № 33.110, где сходный почерк). Перед τοῖς κοσμηκοῖς на фотографии видна не только κ, но, пожалуй, τικῆς χ(αι), что в соответствии со стк. 19 можно восполнить [τοῖς βιω] τικῆς χ(αι). После πλέον видны два надстрочных знака, оставшиеся, видимо, от ἢ или ἐπι. Все это дает осмысленную реституцию: τὸν πν(ευματικὸν) διανύοντες ||³ δ[ρόμον] πλέον ἢ τ(ῶν) [τοῖς βιω] τικῆς χ(αι) τοῖς κοσμηκοῖς ||⁴ ἐνασχολουμένων δέονται τῆς ἐπικουρίας. Несколько смущает, правда, конструкция πλέον ἢ + род.

№ 37.5. Не Σουβλιάνος, а Σουβλιάνος.

№ 37.14: τὰς προστασί(ας) τοῦ . γουμ . . . ον [± 15] — можно дополнить τοῦ ἡγουμ[έν]ου [ἀνα]δεξ[αμένου] (может быть, ἐπιδεξ[αμένου]?). Это заставляет внести поправку к указателю (стр. 428), где προστασία приравнивается к ἡγουμενία. Естественнее то (более широкое) значение, которое дает «Лексикон» Лампе s. v. charge, т. е. «должность». Ср. τῆν τοῦ πρωτάτου προστασίαν — № 62.35.

№ 37.49: παρὰθ(α)λασίτης). Подпись парафаласита на документе об отказе жителей кастроны Адрамери от поземельных претензий кажется неожиданной (хотя, конечно, четкость функций византийского административного аппарата не нужно преувеличивать). Однако на фотографии не видно «решающей» буквы θ. Сокращение выглядит скорее как ξλ'

παρ α, где знак, напоминающий ξ, заменяет аббревиатуру, начинающуюся с κ. Не следует ли читать παρ(ε)κ(λ)λ(ησι)ά(ρχης)? Ср. № 63.5.

№ 39. В грамоте Иоанна Катафлорона от 1079 г. дважды указана его титулатура — в чтении издателей: вест, царский нотариус секретаря ближайших, стратиг и анаграфевс (стк. 1, 9). Слово «стратиг» воспроизводится с небольшим отличием: *στρατη(γός)* и *στρατ(ηγός)*. На самом деле различия в написании нет, и η, прочитанная издателями в стк. 1, отсутствует, как и в стк. 9. Отсутствие η делает спорной реституцию *στρατ(ηγός)*. RC № 32. 1, 23 η, издавая документ по поздней копии Спиридона, прочитали: *τῶν οἰκειᾶκῶν στρατευμάτων*, что явно неверно. Ф. Дэлбгер, видевший оригинал, восстанавливал *στρατευτής*¹¹. Это чтение, которое сами издатели указывают в примечании, кажется более вероятным, так как царский нотариус и анаграфевс — гражданские должности, стратевт также перечисляется в грамотах среди фискальных чиновников, стратиг же — лицо сугубо военное. Сочетание должности нотариуса и стратига представляется несколько искусственным.

№ 42.58: *μεσοποταμ(ιαν)*. Не следует ли писать с заглавной буквы, понимая как топоним?

№ 43.18: в копии Феодорита, на которой основываются издатели, стояло *ἀπὸ τὸν Ἀλεκτορόπουλον* (так и RC № 36.23) — они вносят в текст конъектуру *τὴν Ἀλεκτορόπολι*, понимая это как старое название Элевферополя (стр. 228). Не говоря уже о том, что внесение правки в текст — правки, о которой сами издатели говорят: *si notre correction est bonne*, вряд ли правомерно, ее необходимость кажется нам спорной. В самом деле, в грамоте описываются границы небольшого участка. «Межа начинается от Алекторопула (или Алекторополя)», — таковы первые слова описания. Что *στράτα* — межа, подтверждается актом прота Феоктиста от 1037 г., где мы читаем: *μετρηθὲν ἀπὸ τὴν γονίαν τῆς στρατός (sic!) τῶν αὐτῶν κελλιῶν* (№ 30.17—18). Вряд ли межа могла начинаться от города — естественнее вести ее от владений некоего Алекторопула.

№ 51.16. В конце строки как будто можно восстановить: *τ(ῆς) ἱερ[ᾶς] . . .*

№ 56.50: *δισχίλι(ων)*. В примечаниях или комментарии следовало учесть поправку Г. А. Острогорского: *τρισχίλιων*¹².

№ 57.13: *καράμον(?)*. Так как текст издается по картулярию Феодорита, а слово это не засвидетельствовано словарями, не следовало ли указать чтение копии Спиридона (RC, № 52.17): *κάραβον* — одинаково непонятное?

№ 59.17: *χωράριον τὸ λεγόμενον . . . ρωτ( )* — последнее слово можно восстановить *Ταγέρωτα*.

№ 67.42-43: *Θεόδωρο(ς) ὁ Μ[αδαρί]τ(ης)*. Издатели восстанавливают патроним, исходя из упоминания Феодора Мадарита, новелисима и царского грамматика, служащего в секрете сакелария (№ 67.102—103, № 68.12), . . . но названный в стк. 42—43 новелисим и царский грамматик Феодор М. . . т служил в секрете моря. Видимо, это другое лицо и патроним может читаться иначе: Месарит, Метохит и т. п.

№ 67.95 (ср. № 68.4, 36): *τοῦ Σμυρν(οῦ) χῆρ Ἰω(άννου)* — не следует ли читать *Σμυρναίου*, как в № 67.97, где патроним Василия Смирнея выписан полностью?

Репродукции лаврских грамот позволяют сделать некоторые дополнительные наблюдения относительно писцов оригиналов.

№ 10 (табл. V—VII, 993 г.) написан красивым почерком монаха Евфимия. Нельзя ли отождествить писца грамоты № 10 с экклисиархом Лавры 1012 г. Евфимием, подпись которого под актом № 16 (табл. X) выдает ту же руку опытного переписчика?

¹¹ F. Dölger. *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956, S. 348, Anm. 4.

¹² Г. Острогорски. Размена посёда и сельака у хрисовули цара Алексиса I Комнина светогорской Лавры из 1104 године. — «Исторически часопис», 5, 1955, стр. 24 (статья указана в библиографии — см. стр. 288).

Дарственная грамота Евстратия (№ 16, табл. X, 1012 г.) написана монахом Лавры Афанасием. Хотя оригинал сохранился очень плохо, тем не менее характерные особенности почерка этого писца позволяют без труда идентифицировать переписчика № 16 с писцом документа № 27 (табл. XXI, 1030 г.) — прозотом Лавры Афанасием.

Значительное число грамот, оригиналы которых не сохранились или не были обнаружены в последнее время, публикуется по копиям XII—XV вв.: № 1, 12, 15, 21, 23, 37 и др. К сожалению, издатели почти не приводят фотографий этих древних копий (исключение составляют лишь № 1, 20 и 37). Между тем их репродукции могли бы, вероятно, дать интересный материал для истории архива Лавры — точно так же, как и отмеченные в тексте, но почти совсем не присутствующие на таблицах альбома многочисленные дорсальные пометы XI—XVIII вв.

Даты грамот, принятые в РС, как известно, вызвали ряд возражений. В новом издании хронология многих актов уточнена: в одних случаях — благодаря привлечению оригиналов, в других — из-за более внимательного прочтения текста (причем издатели, разумеется, опирались на специальные исследования, появившиеся после 1937 г.). Особенно существенна передатировка № 66 и 69, которые Руйар отнесла ко времени Алексея I и которые издатели датируют соответственно 1184 и 1196 гг. Использование аутентичной копии № 66, подписанной солунским митрополитом Иоанном и содержащей точную дату, блестяще подтвердило гипотезу Г. А. Острогорского¹³. № 69 был правильно датирован уже Ф. Дэльгером, и его аргументы воспроизведены издателями (стр. 359). Эта дата, кстати сказать, наводит на следующее соображение. Оба акта — № 66 и № 69 — касаются одной проблемы — владений Лавры в феме Моглена. Копия № 66 была скреплена, как уже сказано, митрополитом Иоанном, которого издатели не без оснований считают Иоанном Хрисанфом, преемником Евстафия Солунского, занимавшим митрополичий престол недолгое время как раз около 1196 г.¹⁴ Нельзя ли предположить, что изготовление копии № 66 совпало с получением императорского распоряжения № 69?

Публикация оригинала № 39 позволила решить спорный вопрос о дате этого акта Иоанна Катафлорона, который РС № 32 отнесли к 1079 г., а П. Лемерль на основании ряда остроумных соображений — к 1069 г.¹⁵ Однако оригинал не подтвердил этого пересмотра, дата РС оказалась верной, — к сожалению, издатели во введении нигде не отметили ошибочности прежней гипотезы Лемерля.

На стр. 266 мы находим (в комментарии) ошибку или опечатку в дате: март XII индикта, конечно, не 1090, а 1089 г.

На стр. 270 издатели, ссылаясь на статью Д. Панахрисанфу (члена авторского коллектива!), датируют кончину севастократора Исаака Комнина, брата Алексея I, временем до 1107 г. Но в работе Д. Панахрисанфу другая дата — около 1102 г., и во всяком случае — до 1104 г.¹⁶

Определение характера документа также представляет подчас немалые трудности. Издатели публикуют дарственную монахини Гликерии

¹³ Впервые в работе 1951 г. (Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951, стр. 30—32), которая отсутствует в библиографии. См. еще: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 152.

¹⁴ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, V, 1. Paris, 1963, № 463. См. V. Laurent. La succession épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la première moitié du XIIIe siècle. — BZ, 56, 1963, p. 287 sq. Издатели на стр. 343 дают ошибочную ссылку на эту работу.

¹⁵ P. Lemerle. Notes sur la date de trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle — REB, 10, 1952, p. 109 sq.

¹⁶ D. Papachryssanthou. La date de la mort du sébastokrator Isaac Comnène, frère d'Alexis Ier, et de quelques événements contemporains. — REB, 21, 1963, p. 255. Ср. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 592 и сл.

(№ 20), которую в комментарии, хотя и не без колебаний, признают оригиналом (стр. 155), а на подписи к репродукциям (табл. XV—XVII) — копией (хотя и под вопросом). Репродукция, однако, свидетельствует, что все подписи сделаны одной рукой и что перед нами, следовательно, не оригинал, а копия.

Этот вывод, если он справедлив, заставляет еще раз вернуться к сложному вопросу о датировке дарственной Гликерии. Издатели публикуют два документа, относящиеся к этому делу: в первом (№ 16) лаврский монах Евстратий с разрешения игумена (проэстота) Феодорита передает богородичному монастырю Булевтирии небольшой монастырек на острове Скиросе, подаренный ему монахиней Гликерией. По индикту и упоминанию игумена Феодорита издатели датировали № 16 1012 г. Второй акт — упомянутая дарственная Гликерии, датированная XIV индиктом. Казалось бы естественным принять, что Гликерия раньше подарила монастырек на Скиросе Евстратию, чем этот последний передал его Булевтирии. В таком случае № 20 должен был быть отнесен к 1001 г. Однако Гликерия именуется Евстратия игуменом Лавры (стк. 63—64; ср. стк. 53), тогда как в 1012 г. он выступал как простой монах. Вот почему издатели относят дарственную Гликерии к 1016 г. (стр. 157), что заставляет их признать сохранившийся документ *второй* дарственной.

Конечно, если бы мы имели дело с оригиналом, вывод издателей был бы более убедительным, хотя и в этом случае трудно представить, что Гликерия составила дарственную Евстратию тогда, когда объект дарения уже ушел из его рук. Нельзя ли предположить, что титул «игумен» появился уже при составлении копии?

Что же касается копии, по которой опубликован текст дарственной Гликерии, то время ее составления следует, по нашему мнению, отнести к началу XII в. Особенности письма этого документа позволяют поставить его в один ряд с написанной в 1115 г. дарственной грамотой Никифора Кефалы (№ 60, табл. LXVI—LXVIII).

Грамота № 64 (RC № 57), известная только по картулярию Феодорита (и зависящего от него Спиридона), публикуется и повсеместно анализируется как акт солунского дуки Иоанна Кондостефана. Впрочем, некоторые сомнения в основательности этого высказаны самими издателями (стр. 330). В самом деле, когда составитель грамоты говорит: «Мы пришли (*ἤφικαμεθα*) на спорное место» (стк. 25—26) или «Мы рассмотрели это место, прочитали названную опись» (стк. 33—34), — то это, вопреки издателям (стр. 327), вряд ли может быть отнесено к солунскому дуке и царскому племяннику — он был слишком большим вельможей, чтобы лично выезжать для рассмотрения спорных земельных наделов. На грамоте стоят подписи других лиц — хартофилака солунской митрополии Василия Масиака и ипомниматографа митрополии Димитрия (стк. 111—112), но они не могли выносить решение по земельной тяжбе. Они, по-видимому, были лишь составителями той выписки из ряда официальных актов, которой и является акт № 64 и которая названа *στυμῶμα* (стк. 113). Эта выписка была изготовлена, как следует из заключительной формулы, по распоряжению (*κατ'ἐπιταγήν*) высокого чиновника, скрепившего ее своей печатью (стк. 113—114). Согласно Феодориту, это была печать Кондостефана (стр. 326 и сл.), но это не дает оснований видеть в Кондостефане составителя акта № 64 и соответственно в дате, помещенной на обороте (утраченного оригинала), — 1162 г., — дату судебного разбирательства. Тяжба Лавры с проиаром Панкратием Анемой относилась не к 1162 г., а ко времени *до* этого года.

Реальный комментарий начинается с того, что по-французски называется *analyse*, — с пересказа содержания грамоты, иногда довольно пространного. Такой пересказ очень удобен, поскольку текст далеко не всегда прост, и вместе с тем очень ответстен, ибо пересказ — это и осмыс-

ление. Остановимся на нескольких случаях, когда текст, на наш взгляд, допускает иное понимание.

№ 1.26—28. В этой клаузуле купчей грамоты 897 г. продавцы оговаривают передачу Евфимию, игумену монастыря св. Андрея, полной собственности на продаваемый участок, à charge de payer chaque année le même impôt de cinq miliaresia, как переводят издатели (стр. 86), т. е. «на условии ежегодной уплаты того же налога в пять миллиарисиев». Следовательно, с их точки зрения, платить налог в дальнейшем должен был Евфимий.

Такое понимание во всяком случае не бесспорно. Е. Э. Липшиц, посвятившая купчей 897 г. специальную статью и подробно рассматривавшая ее в монографии¹⁷ (ни та, ни другая работы не указаны в библиографии), толковала текст иначе: по ее словам, «было предусмотрено, что продавец вносит причитающийся с него за год налог (τέλος) в сумме 5 миллиарисиев; продавец — а не покупатель, не игумен Евфимий.

В оригинале стоит: πρὸς τὸ καὶ τελεῖν σε τὸ αὐτὸν ἐτήσιον τέλος, что издатели, видимо, рассматривают как Асс. с. inf., где σε (Евфимий) — подлежащее, а τελεῖν — сказуемое. Однако язык грамоты столь далек от классических норм, что ожидать в ней Асс. с. inf. не приходится. Сказуемое фразы — ὀμολογῶμεν, от которого зависят два инфинитива: παραδεδοῦσθαι и τελεῖν. Ὀμολογῶ значит «соглашаться», «признавать», «обещать». Продавцы признают, что они передали собственность и сверх того (πρὸς τὸ) обещают платить Евфимию (σε вместо классического σοι) ежегодный τέλος.

Если такое понимание правильно, то купчая 897 г. рисует не простую продажу земли, но установление своего рода прекарных отношений: продавцы не только отдают свою земельную собственность монастырю, но и принимают на себя обязанность уплаты ренты.

№ 10.11—14: грамота описывает набег сарацинов, укрепившихся на острове Гимнопеллагий, после чего топотирит Паспала по царскому приказу увез монаха Косьму и удерживал его четыре месяца. И. Дуйчев полагал, что задержание Косьмы было наказанием, своего рода арестом (за пособничество арабам?)¹⁸; наоборот, по предположению Г. А. Острогорского, Косьма оказался в арабском плену и был оттуда увезен Паспалой¹⁹. Издатели не разбирают эти толкования (хотя и указывают работы Дуйчева и Острогорского). Далее они безоговорочно передают στρατόπεδον как «армия», тогда как Острогорский понимал это слово как «императорский лагерь», «ставка», а Дуйчев — как «военный лагерь».

№ 19.22 (и далее в ряде актов): ὀστρια издатели переводят (стр. 152) légumes secs, «сушеные овощи», тогда как обычное понимание слова — «стручковые».

№ 35.17: упомянутого в грамоте 1071 г. Петра издатели наделяют (хотя и с вопросительным знаком) патронимом Псел (стр. 204. Ср. указатель, стр. 441) — текст не дает для этого никаких оснований.

№ 41.2—3: τοῦ τε Θεοδώρου τοῦ τοῦ Διχημαλώτου издатели понимают как Феодор, сын Эхмалота (стр. 227). Выражение ὁ τοῦх., долго служившее камнем преткновения, теперь как будто единодушно понимается как «племянник» или «близкий человек».

№ 66.4—5: лаврские монахи ссылаются на императорское постановление, запрещающее половцам из фемы Моглены распространять свою власть на чужих болгаров и влахов. Выражение διευθετεῖν ὡς οἰκείους из-

¹⁷ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. — «Акад. Б. Д. Грекову. Сб. статей». М., 1952, стр. 49—54; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 81—83.

¹⁸ И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, стр. 28.

¹⁹ Г. Острогорский. Сербское посольство к императору Василию II. — «Глас САН», 193, 1949, стр. 16. Ср. G. Ostrogorsky. Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II. — Byz., 19, 1949, p. 188 sq.

датели передают *s'arrogrier*, «присваивать» (стр. 342), что несколько искажает оттенок, придавая словам грамоты «крепостническую» окраску. Далее, они пишут: «Пусть не присваивают чужих владений или болгар, как это стало обычным (*comme la coutume s'en est établie*)». В греческом слова: *ὡς ἡ συνήθεια ἐπεκράτησεν* — относятся совсем к другому, они следуют после фразы: *ἀλλὰ τοὺς τοιοῦτους πάντας ἀπαιτεῖ τῷ μέρει τῆς δηλωθείσης μονῆς*, т. е. составитель грамоты хочет сказать, что все эти (влады и болгары) должны оставаться в подчинении (*ἀπαιτεῖ*, видимо, значит более точно — «нести повинности», но мы сознательно ограничиваемся более зыбким термином; издатели понимают его *revendiquent* — «возвращают в собственности») Лавры; как это стало обычаем. Таким образом, в пересказе — в результате перемещения части текста на другое место — исчезает типично средневековое понимание *συνήθεια* как *consuetudo* и, наоборот, этому слову придается «нейтральный» смысл — «дурной обычай», «нарушение права».

Для понимания текста чрезвычайно существенны толкования отдельных фраз, имен, географических названий, терминов, содержащиеся в комментарии. Многие из них новы и остроумны, например, объяснение термина *δημοσιεύω* как «налагать *δημόσιον* (τέλεσμα)» (стр. 307) или предположение, что в грамоте № 64, начало которой повреждено, Коскина, отнявший у Лавры 8 париков, — если не то же лицо, что Панкратий Анема, то во всяком случае его «человек», ибо в конце документа как раз говорится о 8 лаврских париках, находящихся под властью Панкратия (стр. 329 и сл.). Комментарий, правда, нельзя назвать последовательным: в одних случаях издатели отсылают к литературе (см., например, стр. 196), в других — подробно рассматривают вопрос, иногда разъясняют, о каком лице идет речь, иногда опускают такое разъяснение. Разумеется, полного разъяснения текста нельзя и требовать — иначе объем книги вырос бы в несколько раз, и читателю приходится мириться с известным субъективизмом в выборе объектов комментария.

Тем более не приходится ждать, что в журнальной статье могут быть восполнены все лакуны или погрешности комментария. Однако на некоторые нам бы хотелось указать.

В решении протоспафария Симеона от 974 г. (?) упоминается царский питтакий (по предположению Г. А. Острогорского, Иоанна Цимисхия), предписывавший Симеону разобраться *περὶ τῶν στρατιῶν καὶ τῶν προσοδιάρων τῶν δημοσιῶν τῶν καταφυρόντων εἰς τε τὰ ἀρχοντικά πρόσωπα καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν* (№ 6.5—6). Место это, чрезвычайно важное для аграрной истории Византии X в., комментировалось неоднократно. Г. А. Острогорский, в частности, предложил вместо *στρατιῶν* конъектуру *στρατιωτῶν*, допуская, что речь идет о двух категориях крестьян — стратиотах и просодиариях-димосиариях²⁰. Аналогичная грамота Феодора Кладона 975 г. (?), излагающая питтакий Иоанна Цимисхия, содержит несколько отличную формулу: *περὶ τῶν στρατιῶν καὶ προσοδιάρων καὶ δημοσιῶν*, что давало основание (если принять конъектуру Г. А. Острогорского) говорить о трех отдельных категориях — стратиотах, просодиариях и димосиариях²¹. Однако грамота Кладона издана так скверно (ее оригинал потерян), что опираться на нее, пожалуй, рискованно.

Конъектура Г. А. Острогорского сама по себе не невозможна (ср.

δο

в стк. 9 сокращение *η* вместо *δημοσιῶν*) — трудность, однако, состоит в том, что после этой формулы ни стратиоты, ни просодиарии не упоминаются в грамоте: протоспафарий Симеон говорит о димосиариях (стк. 9) и париках (стк. 13). Не следует ли в таком случае рассматривать *τῶν*

²⁰ Г. Острогорски. О византийском државним сельцима и војницима — две повеле из доба Јована Цимиска. — «Глас САН», 214, кн. 3, 1954, стр. 27, прим. 11.

²¹ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 161.

δημοσιαρίων как Gen. Subj. к τῶν στρατιῶν καὶ τῶν προσοδιαρίων и понимать τὰ προσοδιάρια по аналогии с αἱ στρατίαι как повинности (димосиариев)? Ср. выражение ἀπατεῖν προσόδιον в хрисовуле 1074 г. (№ 36.6).

К сожалению, издатели не учитывают конъектуру Г. А. Острогорского ни в критическом аппарате, ни в комментарии.

В хрисовулах Алексея I от 1089 г. (№ 49.47) и от 1109 г. (№ 58.69) упоминается термин κλάσμα, который не разъяснен в комментарии; нет даже отсылки к литературе, хотя существует специальная статья К. А. Осиповой на эту тему²².

Несомненно, заслуживали комментария и такие термины, как πλανηγά (№ 66.1) или половецкая χατόβια (№ 65.46).

Обильные просопографические данные, содержащиеся в актах, также подчас остаются без разъяснений. Две грамоты Иоанна Велисарюта от 1196 г. (№ 67—68) содержат огромное количество имен византийских чиновников, среди которых такие известные, как Даласины, Антиохи, Сгуры, Месариты, — ни одно из них не комментируется. В комментарии к хрисовулу Алексея I от 1084 г., где идет речь о правах севаста Адриана (№ 46), следовало бы, пожалуй, если не сказать о нем, то во всяком случае отослать к литературе²³. Комментария заслуживало и имя архонта Иоанна Молискота (№ 64.37), — по-видимому, негреческое; возможно, этот Молискот был латинским наемником на византийской службе. В комментарии к хрисовулу Алексея I от 1104 г. (стр. 290), видимо, нужно было остановиться на патрониме севаста Андроника — Склир, поскольку он засвидетельствован только в копии Феодорита (стр. 296).

В других случаях издатели предлагают просопографический комментарий — не всегда, однако, безупречный.

В хрисовуле Алексея I от 1104 г. (№ 56.35) назван Родий, проэдр и судья Волерона, Стримона и Солуни, которого издатели «без сомнений» (стр. 291) идентифицируют с Михаилом Родиём, протоанфином и судьей ишподрома (№ 46.37). Конечно, тождество этих лиц не может быть исключено, но у нас нет никаких данных, чтобы считать его несомненным²⁴. Но издатели не ограничиваются идентификацией двух Родиёв: они предполагают (стр. 302), что Михаил Родий мог быть тем же лицом, что и севаст Михаил, логофет секретов, осуществлявший опись в районе Солуни (№ 58.24—25). В данном случае, однако, издателям изменяет осторожность: идентификация по преному (притом, что набор преномов в Византии был весьма ограниченным) в принципе невозможна. Севаст Михаил, которого Анна Комнина (как отмечают сами издатели) знает как мужа императорской племянницы, не мог принадлежать к столь незначительной семье, как Родиё. Уже в 1094 г. он был севастом и логофетом (PG, t. 127, col. 972 C), т. е. задолго до того, как Родий еще выступал проэдром. Логофета Михаила иногда идентифицировали с Михаилом Дуккой, что более правдоподобно, но не может быть обосновано. В последнее время была выдвинута более убедительная идентификация — с Михаилом, сыном севаста Константина, внучатым племянником патриарха Михаила Кирулария²⁵.

²² К. А. Осипова. Система класм в Византии в X—XI вв. — «Византийские очерки». М., 1964, стр. 174—185. Там же литература вопроса. Хотя в статье анализируется ряд лаврских грамот, она ни разу не цитируется в книге.

²³ См. прежде всего энкомий Никифора Василага Адриану Комнину, изданный А. Гарсиа с комментарием: *Niceforo Basilace. Encomio di Adriano Comneno*. Napoli, 1965, а также L. Stiernon. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. Adrien (Jean) et Constantin Comnène. — REB, 21, 1963.

²⁴ Более осторожно рещал этот вопрос П. Лемерль в одной из ранних работ: P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale*. Paris, 1945, p. 164 sq.

²⁵ См. D. Polemis. The Doukai. London, 1968, p. 64, n. 6 (со ссылкой на неизданную диссертацию С. де Жонг) и особенно: P. Gautier. La curieuse ascendance de Jean Tzetzes. — REB, 28, 1970, p. 216 sq.

На стр. 246, в комментарии к хрисовулу Алексея I от апреля 1084 г. (№ 45), издатели останавливаются на «отпадении» (*défection*) франка Оттона, Льва Васпраканита и Пундеси, удачно исправляя традиционную дату этого события, которое должно было иметь место до ноября 1083 г., а не в 1084 г. Однако безоговорочное отождествление Пундеси с Раулем Понтуазским вряд ли оправдано — как известно, уже де ля Форс высказывал сомнения в правомерности такой идентификации²⁶. При этом нужно учитывать, что Пундеси, о котором говорит Анна Комнина (t. 2, p. 22), перешел на сторону византийцев не ранее осени 1082 г.: если он — то же лицо, что и его омоним из хрисовула № 45, то пребывание Пундеси в Византии продолжалось не более года.

На стр. 266 издатели подробно останавливаются на деятельности магистра Никиты Ксифилина, судьи и анаграфевса Волерона, Стримона и Солуни в 1088/9 г. (№ 50.1—2). Они привлекают при этом ряд неопубликованных актов из архивов Ксенофонта и Дохиарского монастырей. К этому можно было бы прибавить упоминания Никиты Ксифилина, протовеста, участника судопроизводства по делу Иоанна Итала в 1082 г.²⁷, и его омонима, квестора, скрепившего завещание Кали-Марии, жены Смба́та Пакуриана в 1098—1113 гг.²⁸ Оба жили в то же время, что и судья Волерона, Стримона и Солуни, и их идентификация во всяком случае возможна, хотя и проблематична. Кроме того, судьей и анаграфевсом Волерона в 1074 г. был некий Ксифилин, преном которого неизвестен²⁹.

На стр. 242 издатели, касаясь личности Василия Цирифона, эксисота Запада в начале правления Алексея I (№ 44.16—17), замечают, что «он или его омоним был позднее логариастом геникона». Вопрос о Василии Цирифоне более сложен. Сохранился ряд печатей его омонимов: анфипата, судьи вила и гиротрофа³⁰, протовестарха, судьи вила и фемы Кивиреотов³¹, проэдра и епарха³², которых обычно (без достаточных оснований) считают одним лицом. Что же касается Василия Цирифона, занимавшего сравнительно невысокий пост логариаста секрета геникона в 1109 г., т. е. почти на 30 лет позднее деятельности эксисота Запада, то даже В. Лоран, при всей его страсти к идентификации омонимов, не рискнул считать их одним лицом.

Библиография содержит сведения о прежних изданиях, переводах, пересказах или специальном анализе каждого публикуемого документа; кроме того, в тексте комментария рассеяны ссылки на работы, посвященные вопросам социальной, административной, политической истории, праву, топографии или просопографии, необходимые для лучшего понимания текста. Библиографические ссылки в реальном комментарии не претендуют на полноту: издатели обычно ограничиваются последними

²⁶ *Marquis de la Force*. Les conseillers latins du basileus Alexis Comnène. — *Byz.*, 11, 1936, p. 161. М. Ласкарис сблизил Пундеси с эпирским топонимом Вудеси (*M. Lascaris*. Survivances dans la toponymie de la Macédoine des «Francs» d'avant et après de la IVe Croisade. — *Byz.*, 23, 1953 (1954), p. 7), что нам представляется произвольным.

²⁷ Ф. И. Успенский. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — ИРАИЖ, 2, 1897, стр. 42.7-8.

²⁸ См. Г. Литаврин. О датировке трех важных документов по внутренней истории Византии. — «Старинар», XX, 1969 (1970), стр. 189. Литаврин отождествляет его с его омонимом, известным по лаврским актам. Сохранилась печать квестора Никиты Ксифилина, однако В. Лоран датировал ее более поздним временем — серединой XII в. (*V. Laurent*. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes — Bucarest, 1932—1937, № 555).

²⁹ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2. München, Berlin, 1925, № 1000.

³⁰ V. Laurent. Une nouvelle collection de légendes sigillographiques. — EO, 30, 1931, № 163, p. 357.

³¹ V. Laurent. Erèthos-Akazer. — «Hellenika», 9, 1936, p. 21—23.

³² V. Laurent. Légendes sigillographiques et familles byzantines. — EO, 30, 1931, № 164, p. 473 sq.

исследованиями. Работы на русском и других славянских языках за считанными исключениями не указываются.

Приводим некоторые дополнения к библиографии.

№ 12. Издано также (с грузинским переводом): С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII. Тбилиси, 1970, стр. 191 и сл. (фрагменты).

№ 17. Издано там же, стр. 193—196 (фрагменты).

№ 19. Издано там же, стр. 202—204 (фрагменты).

№ 21. Издано там же, стр. 205—207 (фрагменты).

№ 23. Издано там же, стр. 208 (фрагменты).

№ 25. В книге впервые издается грамота (*ἀσφάλεια*) монаха Георгия τὸς Χατζανᾶ от 1024 г. о передаче монастырька τὸς Πιδάρᾶ в Карее Кондолеонту Торнику, стратегу Эллады. Подробное изложение грамоты дал еще Порфирий Успенский³³ (отметим, что в других случаях резюме Порфирия отмечаются — см. стр. 193, 248). Несмотря на это, грамота Георгия, рисующая конец карьеры Кондолеонта Торника, катепана Италии в 1017 г.³⁴, и освещающая связи Торников с Афоном, насколько нам известно, не была до последнего времени использована.

№ 46. Хрисовул Алексея I от 1084 г. имеется в русском переводе: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 254 и сл.

№ 47. Издано: С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII, стр. 241—245.

№ 66. Постановление Андроника I от 1184 г. имеется в болгарском переводе: «Подбрани извори за историята на Византия». София, 1956, стр. 206 и сл., где переводчик, П. Тивчев, между прочим, высказал сомнения в предложенной Г. А. Острогорским дате. Впрочем, позднее он отказался от своих сомнений и справедливо рассматривал этот документ как проявление покровительства Андроника I крупному монастырскому землевладению³⁵.

Приложение VI. Издано: С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII, стр. 197—201.

Акты архива Лавры св. Афанасия являются важнейшим источником для изучения внутренней истории Византийской империи X—XII вв. и прежде всего — поземельных отношений.

Лавра св. Афанасия была крупным земельным собственником, и в сохранившихся актах отразился процесс роста монастырских владений. Специальная статья Н. Звороноса, помещенная в вводной части тома и посвященная домену Лавры до 1204 г., освещает этот процесс. Вместе с тем в архив Лавры вошли некоторые «досье», касающиеся тех земель, которые были приобретены монастырем; в частности, ряд актов (№ 44, 45, 48, 49) фиксирует пожалования и привилегии, полученные видным полководцем Алексея I Львом Кефалой. Эти акты, включенные уже в РС, — редкий источник для изучения византийского светского землевладения, и они были предметом изучения многих ученых, в том числе Г. Г. Литаврина³⁶. Теперь к этому «досье» прибавились грамота проэдра Никифора

³³ Порфирий Успенский. Восток христианский. История Афона, ч. 3. Киев, 1877, стр. 163.

³⁴ См. о нем V. von Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jh. Wiesbaden, 1967, S. 86. (в библиографии не указано). Грамота позволяет отвергнуть произвольное отождествление (см. N. Adontz. Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 253) Кондолеонта со Львом Торником, вождем восстания 1047 г. См. теперь А. П. Каждан. Армяно-византийские заметки. — «Историко-филологический журнал», 1971, № 4, стр. 102.

³⁵ P. Tivčev. Le règne de l'empereur de Byzance, Andronic Ier Comnène (1183—1185). — BS, 23, 1962, p. 34 sq.

³⁶ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 133 и сл. Ср. Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България (XI—XIII вв.). София, 1964, стр. 36.

Кефалы от 1115 г. (№ 60), которого издатели считают сыном Льва (см. стр. 337), и практик вестиярита Андроника Ватаца от 1181 г. (№ 65), освещающие дальнейшую судьбу поместий Кефалы: они перешли Лавре, причем игуменом монастыря был в ту пору Феодор Кефала — по всей вероятности, один из членов семьи. Последнее обстоятельство, кстати сказать, бросает свет на любопытный процесс сращивания светского и монастырского землевладения.

Уже первое издание позволило Г. А. Острогорскому по-новому поставить вопрос о пронии XII в.³⁷ Он использовал тогда так называемую грамоту Иоанна Кондостефана от 1162 г. (№ 64) и простагму Андроника I от 1184 г. (№ 66). В дальнейшем эти документы исследовались рядом византинистов, которые не всегда соглашались с Г. А. Острогорским, особенно в трактовке грамоты 1162 г.³⁸ К сожалению, издатели не указывают этих работ и не останавливаются на той дискуссии, которую порождает переиздаваемый ими текст. К актам, касающимся животрепещущей проблемы пронии, теперь можно прибавить еще один — практик Андроника Ватаца от 1181 г. (№ 65). Текст практика сильно поврежден, однако можно видеть, что половцы-стратиоты в феме Моглены имели париков на правах пронии (*κατὰ λόγον προνοίας*) и что после смерти этих половцев парики должны были перейти Лавре (стр. 42, 44, 58). Возвращение проастия, взятого в пронию, монастырю после смерти стратиотов-пронияров предусматривает и грамота 1162 г. (№ 64. 54—59). Землю в пронию на срок жизни сдает здесь монастырь, а не государство — на это обстоятельство как будто до сих пор не обращали достаточного внимания. Однако из этого было бы преждевременно делать вывод, что прониары непременно были стратиотами и что прония жаловалась непременно на срок жизни. Сами издатели справедливо подчеркивают, что Панкратий Анема, прониар, упомянутый в грамоте № 64, нигде не назван стратиотом (стр. 329). Несомненным можно считать, что половцы-стратиоты, разместившиеся во множестве в деревне Хостиана, не были крупными земельными собственниками и что их права на париков под пронией не отличались принципиально от прав монастыря, возвращавшего себе власть над париками после смерти половцев.

Другой парафеодальный институт, часто упоминаемый в лаврских актах, — экскуссия. Правда, в своем большинстве эти акты были изданы в РС и частично уже стали предметом специального анализа. Так, экскуссия, пожалованная Льву Кефале (№ 44, 45, 48, 49), рассматривалась Г. А. Острогорским³⁹, вопрос об экскуссии кораблей и в этой связи хрисовул Алексея I от 1102 г. (№ 55) обсуждался в статье А. П. Каждана⁴⁰. К этим посвященным специально византийской экскуссии работам отсылка в библиографии мы не найдем. Впервые издаваемое судебное решение Иоанна Велисария от 1196 г. (№ 67) опять-таки касается вопроса об экскуссии кораблей.

Ограниченность византийского иммунитета очень отчетливо обнаруживается в хрисовуле Алексея I от 1094 г. (№ 52), где Лавра освобождается

³⁷ Г. Острогорски. Пронија, стр. 20—25.

³⁸ А. П. Каждан. Рецензия на кн. Г. А. Острогорского. — ВВ, X, 1956, стр. 227; А. Hohlweg. Zur Frage der Pronoia in Byzanz. — ВЗ, 60, 1967, S. 305 f. См. теперь возражения Г. А. Острогорского: G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, стр. 47—50. Анализ акта 1162 г. см. также: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 150 и сл.

³⁹ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 65—67.

⁴⁰ А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 191—194. О хрисовуле 1102 г. см. еще: П. Тивчев. Нарастването на едрото земевладение във Византия през XII в. — ИИИ, 9, 1960, стр. 230.

от последующих землемерных инспекций: *μη καὶ αἰδῆς ποτὲ ... ἀναμετρεῖσθαι παρὰ τινος τόπια*, как гласит соответствующая формула (стк. 26—27). Но тут же делается оговорка, что в случае возникновения тяжбы разбирательство должно происходить на спорных местах, не затрагивая других участков (стк. 28—32). Следовательно, достаточно жалобы чиновника или частного лица, чтобы государство могло вторгнуться в так называемую свободную территорию. Византийский иммунитет означал не свободу, а ограниченную подсудность или фискальную привилегию.

Постоянно упоминаются в актах зависимые крестьяне, прежде всего парики, в том числе актимоны, воидаты, зевгараты, дивезгиты (см. указатель, стр. 424), а также дулопарики (стр. 391), проскафимены (стр. 428), *ὀπότελεῖς* (стр. 438). Нужно ли и в этом случае повторять, что огромная советская литература, посвященная положению зависимого крестьянства, не отмечается и не учитывается в соответствующих местах? Так, в простагме Андроника I от 1184 г. упоминаются дулевты, не переданные по практику (№ 66.19), названные ниже париками-дулевтами (стк. 22), — издатели (стр. 343) передают термин *δουλευταί* как *ouvriers*, «рабочие», тогда как дулевты — особая категория зависимого населения⁴¹.

Для понимания характера византийской крестьянской зависимости чрезвычайно существен хрисовул Никифора III от 1079 г., которым Лавре передается новый (в добавление к прежнему) *ἀριθμὸς* дулопариков, а именно сто человек, со специальной оговоркой, что пополняться это «число» должно исключительно из сыновей и внуков монастырских дулопариков (№ 38.24—26). Возникает вопрос (не поставленный, однако, в комментарии) о судьбе «избыточного» потомства, т. е. тех детей и внуков, которые уже выходили за пределы пожалованной сотни. Кем они становились — свободными людьми или зависимыми?

Ряд актов затрагивает различные формы общинной и общей собственности.

Изданный уже RC № 3 акт 941 г. содержит четкое противопоставление частных хорафиев (*ἴδια χωράφια*) и общего пастбища (№ 2.31—33. Ср. № 3.13—15). Грамота 1017 г. отмечает право «соседа» рубить дрова и собирать каштаны на соседской земле (№ 21.19)⁴².

Очень интересен издаваемый впервые акт 1110 г. о разделе имущества трех братьев (№ 59). Перед нами — зажиточные солуняне, владельцы мельниц, хорафиев и иной недвижимости, находившейся в их совместном владении и теперь поступающей в раздел. Однако раздел этот лишь частичный. Семейная община не исчезла. Двое братьев — Лев и Конста — сохраняют значительную часть имущества как совместную (стк. 4—6, 9—10, 16—17, 18—19, 21—22, 31—32). Залежи (*χερσοτόπια*) должны принадлежать всем трем и служить для выпаса их скота, но использовались они в соответствии с общей долей каждого (стк. 26—28). Неразделенным оставался и пресс (*πατητήριον*) и некоторые иные угодья — загон для зверей (*γαλεάγυρα*) и участок леса (стк. 38—40). Братья совместно владели эргастирием (мельницей?), разделяя поровну причитающуюся за него арендную плату (стк. 7—8); всем трем принадлежали также центральная усадьба (стк. 44—45) и заросли камыша, за которые они взимали и делили поровну пакт, а иногда убирали сами и делили поровну урожай (стк. 45—47); наконец, некоторые земли (стк. 47—48).

В решении прота Иоанна Тарханиота от 1108 г. (?) упоминается источник воды, пользование которым было общим (*ἐπίκοινος*), так что монастырь

⁴¹ Именно как особую категорию зависимых крестьян рассматривает дулевтов Г. Г. Литаврин («Болгария и Византия в XI—XII вв.», стр. 177). Кстати, в этой работе специально анализируется положение дулевтов, упомянутых в простагме Андроника I (там же, стр. 153).

⁴² О соседских правах (в частности на основе лаврских грамот) см. А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, стр. 51 и сл.

Исидора, владевший этой территорией, не должен был препятствовать соседям пользоваться водой (№ 57.10—12).

Поскольку земельные тяжбы, пожалование, продажа и обмен земли составляют основной предмет лаврских грамот, в них затрагиваются проблемы собственности и владения. Еще В. Г. Васильевский выдвигал как актуальную задачу характеристику византийского права по актовому материалу, византийского права как живого и действующего. С тех пор прошло около ста лет, но задача эта не решена, несмотря на значительный приток источников. Изданные П. Лемерлем и его сотрудниками акты содержат ряд юридических казусов, которые могли бы оказаться существенными для понимания вещного права в Византии X—XII вв.

Прежде всего, «чистый» акт купли-продажи, характерный для римского права, нередко оказывается «затемненным» системой личных отношений (в том числе благочестивых соображений), столь характерных для средневековья⁴³. В этом отношении очень показателен акт 1024 г. о приобретении Кондолеонтом Торником монастыря на Афоне. Эта сделка оформляется как серия разнородных акций: во-первых, Торник уплатил долг, лежавший на монастырьке Пифара; во-вторых, он дал игумену монастырька Георгию некоторую сумму — но не как плату, а в качестве ситиресия и содержания (λόγφ σιτηρεσίου καὶ διακίρησεως) «его слабости»; в-третьих, в свою очередь Георгий дал (δέδωχα), а не продал Торнику монастырь (№ 25.19—23). Издатели совершенно справедливо характеризуют грамоту как «дарение» (δωп) Георгия (стр. 173) — именно так понимается и оформляется сделка, — хотя по существу монастырек был продан за 210 номисм.

Подобное же затемнение характера сделки засвидетельствовано и в грамоте 1071 г., также издаваемой впервые. Там идет речь о том, что Константин Псел и его мать отдали (δέδωχα) свои хорафии Ивирскому монастырю — то ли на условии уплаты пакта (πακτοσίως), то ли в дар (δωρεάς τρόψω) (№ 35.7—9).

Собственность (δεσποτεία) мыслилась не только как «вечная и неотъемлемая», что соответствовало нормам римского права, но и как временная (χαίρητή) (№ 56.9—10). Одновременно с этим широко распространяется разграничение между собственностью (δεσποτεία) и пользованием (χρήσις). Так, согласно грамоте 1181 г., некие парики должны были находиться в собственности Лавры, но в пользовании и владении (νομή) половецких стратиотов — ad terminum vitae, если пользоваться характерной формулой западноевропейских грамот (μέχρι αὐτῆς ζωῆς); после смерти половецкое пользование и владение возвращались монастырю (№ 65.25—27, 42—43). В грамоте 1162 г., о которой выше уже не раз шла речь, описывается сходный казус: Лавра уступила земельный участок в пользование парикам стратиотов — Романа Рендина и братьев Лукитов — с тем, однако, чтобы парики только засевали землю, но не воздвигали на ней усадеб (№ 64.47—51); при этом участок был дан только на срок жизни названных стратиотов, но не тех, кто будет их преемниками (стк. 55—57).

Держание ad vitam возникало не только в отношениях монастыря со светскими лицами, со стратиотами, но и в специфической сфере внутримонашеских отношений. Грамота 1153 г. (?) фиксирует передачу Лавре собственности на земельный участок (ἀγρός), пожизненное пользование которым закреплялось за монахом Макарием (№ 62.6—8). Однако с течением времени Макарий отказался от своих прав, за что и получил (подобно игумену монастырька Пифара) в качестве ситиресия и содержания 20 номисм (стк. 10—14).

⁴³ Проблема средневековой природы византийской сделки купли-продажи была поставлена уже давно (см. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 160 и сл.), но мысль эта не нашла развития в византиноведческой литературе.

Генезис такого внутримонастырского держания *ad vitam* обрисован в издаваемой впервые грамоте 1030 г., которая фиксирует передачу Лавре монастырька Булевтириев. Афанасий — по-видимому, владелец Булевтириев, — теснимый обстоятельствами или, как он говорит, «демонами и дурными людьми», передал свое владение в руки игумена Лавры, который обеспечил ему «покой» (*ἀνάπαυσις*) до конца жизни (№ 26.16). «Покой» этот включал, согласно гарантийной грамоте лавриотов, не только сохранение трех слуг (*ὑποῦργοί*)⁴⁴ и личной лодки, но и получение строго определенного пропитания (№ 27.17—21).

Владение Афанасия в Булевтириях — по сути дела, подобие западноевропейской *precaria oblata*: вкладчик отдает монастырю свой надел и получает его обратно, но уже не в качестве собственности, а только как держание *ad vitam*. Наряду с этим монастырская практика знает случаи выделения монахам своего рода *precaria data* — надела монастырской земли, выделяемого пожизненно⁴⁵.

Таким образом, лаврские акты позволяют ставить вопрос о формировании в Византии отношений собственности, аналогичных тем, что создавались в средневековой Западной Европе. Вместе с тем они содержат данные и о судьбе римского права. Очень любопытна в этом отношении гарантия, данная монахами Космидийского монастыря в 1081 г. монахам латинского монастыря амальфитян на Афоне, подтверждающая продажу (*πεπραχμεν*) надела Платан в округе Принарий за 24 литры. В начале гарантийной грамоты игумен и монахи Космидийского монастыря заявляют, что они дают амальфитянам «уступку и прощение» и «вечную беззаботность» (*διηκεῖς ἀμεριμνία καὶ ἀφροντισία*) в соответствии со *stipulatio Aquiliana* и *acceptilatio* (№ 42.4—6). *Acceptilatio* и *stipulatio Aquiliana* — римские сделки погашения обязательств; *acceptilatio* представляла собой договор сторон в форме вопроса и ответа о том, что должно так быть, словно кредитор получил платеж; *stipulatio Aquiliana* составлялась в том случае, если кредитор прощал должнику все свои требования, и являлась сделкой, ликвидирующей старые отношения⁴⁶. Формула об *acceptilatio* и *stipulatio Aquiliana*, введенная в грамоту, не только дважды передана в документе (он сохранился в копии рубежа XII—XIII вв.) в искаженном виде: *κατὰ ἀκουαλιανῆν ἐπερώτησιν καὶ ἀλεπταλαιονα* (№ 42.5; ср. стк. 24), что издатели с полным основанием исправляют в критическом аппарате (стр. 235), — эта формула, по всей видимости, не имеет никакого отношения к сделке двух монастырей. В самом деле, в грамоте идет речь не о контракте, не об обязательствах, к ликвидации которых должна была бы относиться *acceptilatio*, но о продаже земли, причем, как сказано в грамоте, деньги были переданы из рук в руки в присутствии двух тавулариев (стк. 11—12). Издатели, подчеркивая неясность и напыщенность стили грамоты, полагают все-таки, что первоначально между монастырями были установлены некоторые обязательства, в 1081 г. ликвидированные (стр. 231), — но думается, в таком объяснении нет нужды: перед нами просто не к месту употребленная ссылка на полузабытые римские нормы, вставленная, может быть, чтобы поразить воображение амальфитян.

Дарственная Гликерии (№ 20) приоткрывает еще одну сторону социальных отношений и социальной борьбы в Византии. Гликерия и ее муж, кувуклисий Иоанн, не имевшие детей, решили превратить свой «нищий дом» в монастырь (стк. 12), но натолкнулись на сопротивление какого-то человека, которого Гликерия именует «многообразным и коварным». Тот возбудил против нового монастыря епископа острова Скироса, кото-

⁴⁴ О монастырских слугах-ипургах у состоятельных монахов см. теперь: А. П. Каждан. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 31, 1971, стр. 62.

⁴⁵ Там же, стр. 59.

⁴⁶ См., например, И. А. Покровский. История римского права. Пг., 1918, стр. 344.

рый, по-видимому (текст в этом месте сильно испорчен), воспрепятствовал богослужению в монастырской церкви (стк. 19—27). Дарственная Гликерии как бы иллюстрирует новеллу Василия II от 996 г., отмечавшую, что основанные мелкими собственниками евктирии-монастырьки переходили обычно под власть митрополита (Jus, III, p. 313.26—28). Гликерия, чтобы избежать такой беды, предпочла передать свое имущество под власть Лавры.

Частная церковь св. Стефана упомянута и в рассмотренном выше акте о разделе трех братьев — она перешла одному из них, Роману, поскольку находилась в выделенном в его долю доме (№ 59.71—72).

Лаврские акты содержат обширный материал и для изучения византийского государства и администрации. В отличие от аграрных отношений, эта сфера византийской жизни привлекала сравнительно мало внимания, и акты Лавры использовались в данной связи лишь sporadически: мы могли бы отметить, пожалуй, лишь работу П. Лемерля, освещающую на материале решений Иоанна Велисарията византийское судопроизводство в конце XII в.⁴⁷

Одна из существеннейших проблем, встающих при изучении византийского государства, — проблема верховной собственности на землю. Сравнительно недавно к ней вновь вернулся Х. Г. Бек, весьма скептически оценивший попытки обнаружить в византийских источниках право государства на всю землю империи⁴⁸. Акты Лавры, не давая решения спорной проблемы, тем не менее могут способствовать ее уяснению: они, во всяком случае, обнаруживают специфическое представление византийцев о примате фискального принципа над собственностью. Алексей I, наделяя Лавру землей в 1109 г., распорядился прежде всего отвести монастырю территорию, соответствующую уплачиваемым налогам (τὴν ὑπὲρ τῶν δημοσίων τελῶν ἐφαρμοζούσαν γῆν), затем пожалованную (τὴν δωρημένην) землю и, наконец, участки, выделенные из так называемых «излишних» земель (№ 58.10—15). Землемеры обнаружили, что на уплачиваемый Лаврой налог приходится 12 427 модиев земли (стк. 26—29).

В упомянутом акте о разделе трех братьев специально оговаривается относительно проастия в Писсоне: если, дескать, императору будет угодно обложить его налогом (δημοσιεῦθῆναι), а мы захотим платить за него и принять это бремя, то проастием будут владеть сообща двое — Роман и Константа (№ 59.75—77). Налоговое бремя и здесь рассматривается как предпосылка частного владения, а не как его следствие.

Для понимания структуры государственного аппарата в Византийской империи чрезвычайно показательна иммунитетная формула хрисовула Константина X от 1060 г., выделяющая три типа чиновных лиц: 1) финансовых чиновников — от сакелариев и логофетов до кураторов и οἰκιστικοί (№ 33.86—92); 2) от domestиков схол и наместников (дуки, катепаны, стратиги) до архонтов тагм и фем (стк. 92—95); 3) судейско-фискальных, куда входят *κριταί*, эпонты, стратевты, анаграфевсы, парафилаки и другие лица, выполняющие *δουλεία τοῦ δημοσίου*, казенную службу (стк. 96—98).

Те же градации намечены в хрисовулах Михаила VII от 1074 г. (№ 36.23—33), Никифора III от 1079 г. (№ 38.53—65) и Алексея I от 1081 г. (№ 43.43—53).

Но вот что показательно: в соответствующей формуле хрисовула Михаила VI от 1057 г. подробно перечислены чины первого из этих трех разрядов (№ 32.41—48), после чего названы константинопольские и фемные судьи и «все другие лица, несущие *δουλεία τοῦ κοινοῦ*» (стк. 49—50). Хрисовул Михаила VI начисто опускает категорию военных. Что это —

⁴⁷ P. Lemerle. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade d'après deux documents inédits des archives de Laura. — REB, 19, 1961, p. 258—268.

⁴⁸ H. G. Beck. Res publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970, S. 38—41.

случайный пробел канцеляриста или отражение политики Михаила VI Стратиотика, приведшей, как известно, к конфликту с военной аристократией?

Любопытно еще и другое: канцелярия Алексея I, сперва следовавшая традиции его предшественников, затем отказывается от трехчленной имунитетной формулы и ограничивается лишь перечислением чиновников первого разряда — от сакелариев до *οἰκιστικοί* (№ 44.35—38, 1082 г.; № 45.35—39, 1084 г.; № 48.48—52, 1086 г.).

Изменение формул хрисовулов освещает еще одну сторону византийской администрации — эволюцию состава наемного корпуса на византийской службе. В самом деле, хрисовул 1060 г. освобождает Лавру от постоя варягов, русских, сарацинов и франков (№ 33.81—82); в хрисовуле 1079 г. мы встречаем, помимо того, кулпингов (колбягов «Русской правды») ⁴⁹ и болгар (№ 38.29—30) ⁵⁰; в хрисовуле 1082 г. названы русские, варяги, колбяги, англичане и немцы (№ 44.26—27), — отсутствие франков (норманнов) в разгар войны с Робертом Гвискардом совершенно закономерно. Наконец, в хрисовуле 1086 г. список иноземцев охватывает русских, варягов, колбягов, англичан, франков, немцев, болгар и сарацинов (№ 48.27—28). В хрисовуле 1088 г. появляются сверх того новые народы — аланы и авасги, т. е. абхазцы или — шире — грузины (ММ, VI, р. 47.5—6; Jus, III, р. 373.34—36). Клаузула «иноземных войск» в имунитетных грамотах раскрывает, таким образом, расширение этнического состава наемных войск империи за время от Константина X до Алексея I. Это, кстати сказать, обнаруживает подвижность формуляра императорской канцелярии.

Не только формулы грамот, но и почерки писавших их писцов могут послужить источником для изучения истории императорской канцелярии. Если хрисовул Михаила VI от 1057 г. (№ 32, табл. XXVII—XXIX) написан совсем другим почерком, нежели хрисовул Константина IX от 1052 г. (№ 31, табл. XXIV—XXVI), то хрисовул Константина X от 1060 г. (№ 33, табл. XXX—XXXIV) выдает ту же или очень близкую руку: возможно, что, несмотря на переворот Исаака I Комнина в 1057 г. и его отречение в 1059 г., тот же канцелярист продолжал изготавливать императорские грамоты.

Хрисовул Михаила VII от 1074 г., сохранившийся в канцелярской копии (№ 36, табл. XXXVII), написан, безусловно, другим человеком и в другой манере, но канцелярская копия хрисовула Никифора III от 1079 г. (№ 38, табл. XL—XLI) обнаруживает стилистическое сходство с грамотами Михаила VI и Константина X: можно было бы предположить, что писец Никифора вышел из «школы» переписчика, работавшего в канцелярии Константина X.

Сходным почерком (хотя, несомненно, другой рукой) переписан и другой хрисовул Никифора III — от 1081 г. (№ 41, табл. XLIV).

Значительно сходство с грамотой 1079 г. у ранних хрисовулов Алексея I: от апреля 1084 г. (№ 45, табл. XLVII), от августа 1084 г. (№ 46, табл. XLVIII—XLIX) и от 1089 г. (№ 50, табл. L—LI); последний представлен канцелярской копией. Хотя нельзя говорить об одной руке этих грамот, но они, во всяком случае, представляют одно стилистическое направление, господствовавшее в константинопольской канцелярии от царствования Михаила VI до первых лет правления Алексея I. Однотипность этого письма еще более подчеркивается резким изменением стиля почерков императорских хрисовулов, совершившимся вскоре после 1089 г. Хрисовул Алексея I от 1094 г. (№ 52, табл. LIII—LIV) писан почерком, совершенно далеким от почерка грамот 1084—1089 гг. То же самое относится и к хрисовулам 1104 г. (№ 56А, табл. LX—LXII) и 1109 г. (№ 58,

⁴⁹ Впервые упомянуты в хрисовуле 1073 г.: ММ, VI, р. 2.33—34.

⁵⁰ Тот же список в грамотах 1074 г. (ММ, V, р. 137.10) и 1079 г. (ММ, V, р. 143.22).

табл. LXIII), а также к канцелярским копиям грамот 1102 г. (№ 55 ABC, табл. LVI—LIX) и 1104 г. (№ 56B, табл. LXII).

Анализ почерков позволяет догадываться, что в императорской канцелярии около 1090 г. произошли какие-то перемены, во всяком случае — смена лиц и традиций. Возникает вопрос, не связаны ли эти перемены с изменением деятельности канцелярии по существу. Как известно, как раз в это время из грамот Алексея I исчезают имунитетные формулы: последний раз они засвидетельствованы в пожаловании Христоудулу от апреля 1088 г. (ММ, VI, р. 47.3—48.6), если не считать грамоты беотийскому монастырю Сагмата, датированной 1106 г. (ММ, V, р. 253.16). Но, во-первых, формула грамоты 1106 г. коренным образом отличается от формул второй половины XI в., а во-вторых, подлинность этой грамоты весьма сомнительна⁵¹.

Материалы альбома позволяют сделать интересные наблюдения, касающиеся деятельности солунских нотариев конца XI—конца XII в.

В качестве исходного пункта анализа канцелярских почерков Солуни указанного времени мы принимаем акт № 53, составленный в 1097 г. (табл. LV), акт № 59 — документ о разделе имущества трех братьев 1110 г. (табл. LXIV—LXV), и акт № 60 — дарственную грамоту Никифора Кефалы 1115 г. (табл. LXVI—LXVIII). Все три документа были составлены в Солуни, их отделяет друг от друга небольшой промежуток времени, под грамотами № 59 и 60 стоит подпись одного и того же лица — Георгия Сапоны (стр. 311, 315). Почерки этих грамот, написанных разными писцами, содержат большое количество общих для них характерных признаков, позволяющих и другие акты Лавры, в письме которых наблюдаются те же особенности, датировать концом XI—началом XII в. и локализовать Солунью. Именно поэтому мы отнесли выше копию дарственной грамоты Гликерии (№ 20), почерк писца которой очень близок к почерку грамоты № 60, к началу XII в. и можем добавить теперь, что эта копия была составлена, по нашему мнению, в Солуни. Нам кажется также, что солунского происхождения и копия акта № 1; что же касается датировки этой копии, которую РС предположительно отнесли к X в., а П. Лемерль и его соавторы — к XII—XIII вв., то мы бы сблизили на основании почерковых признаков этот документ с актом № 53 и предложили бы датировку: конец XI—начало XII в.

Самым концом XII в. датируется копия простаксиса Андроника I Комнина (1184 г.), вышедшая из солунской митрополичьей канцелярии и заверенная митрополитом Иоанном Хрисанфом. Важно отметить многие детали почерка нотария конца XII в. (табл. LXXII), традиционно повторяющие особенности канцелярского письма документов конца XI—начала XII в. (№ 53, 59, 60).

Наконец, в один ряд с актами солунского происхождения нам кажется возможным поставить документ, опубликованный в Приложении I. Этот «Список монахов-лавриотов (?)» служил в качестве подклейки акта № 60. Дошедший до настоящего времени в крайне плохом состоянии, он почти не поддается анализу; издатели даже отказываются его датировать (стр. 361, табл. LXXIX). Все же сохранившиеся несколько строк текста не оставляют у нас сомнений, что и этот документ по почерку должен быть отнесен к группе солунских актов. Сложнее вопрос о его дате — начало или конец XII в., начало XIII в.? Мы бы предложили датировать «Список монахов» концом XII—началом XIII в.: основанием для такой датировки служит большое сходство почерка этого документа с хорошо известным почерком библиотекаря Лавры св. Афанасия начала XIII в.⁵² Правда,

⁵¹ F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2, № 1228. См. об этом: А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты, стр. 199, прим. 54.

⁵² Б. Л. Фонкич. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. — «Палестинский сборник», вып. 17 (80), 1967, стр. 167—175.

такое сопоставление «уводит» нас из Солуни на Афон, но если принять во внимание тесную связь Лавры с Фессалониками, то сближение «Списка монахов» с почерком лаврского библиотекаря не покажется нелогичным: ведь и сам библиотекарь Лавры мог получить свою писцовую выучку в Солуни.

Лаврские акты содержат некоторые частные данные, касающиеся византийской административной системы. Так, на издаваемой впервые дарственной Никифора Кефалы от 1115 г. поставлена подпись протоспафария Иоанна Скутела (№ 60.74) — она существенна потому, что титул протоспафария крайне редко встречается после 1100 г.⁵³ Упоминание двух главных секретов логариаста (δύο μεγάλων λογαριαστάτων σεκρέτων) в грамоте 1196 г. (№ 68.10) расширяет наши представления о структуре ведомства логариаста⁵⁴.

Поскольку поземельные сделки — основной предмет актов, естественно, вопрос о мерах и монетах должен занимать большое место при их изучении. Византийская метрология — молодая дисциплина. Посвященная этому сюжету книга Э. Шильбаха вышла одновременно с «Актами Лавры» и, разумеется, не могла быть использована издателями. Она позволяет в некоторых случаях уточнить комментарий П. Лемерля и его коллег. Так, в хрисовуле 978 г. встречается выражение *τάλαντα ἀργυρίου μεγάλα* (№ 7.40, 58). Издатели отказываются комментировать это выражение (стр. 112), Э. Шильбах же, основываясь на том же хрисовуле и привлекая некоторые другие источники, предполагает, что речь здесь идет о серебряной литре в 333,333 г.⁵⁵

В акте обмена от 1018 г. упоминается хорафий, имеющий в округе (γύροθεν) τοῦ πλείθου 165 оргий (№ 24.9—10). В комментарии к этому месту издатели отмечают, что πλείθιον или πλίϋθιον — мера площади неизвестной величины, что вместо πλείθου, может быть, следует читать πλέθροу и что плефр был меньше модия и равнялся 278,56 кв. оргиям (стр. 171 и сл.). Шильбах же полагает, что πλίϋθιον — другое название для плефра и что плефр составлял 3 модия, или 600 оргий⁵⁶. Кстати сказать, нельзя ли понять слова: *χωράφιον . . . ἔχον ὀργυίας γύροθεν τοῦ πλείθου ῥῆε* так, что здесь πλείθος — πλίθος соответствует πλίϋθος и означает «кирпич», «кирпичная ограда»? Тогда вместо бессмысленного «оргии плефра» мы будем иметь в переводе «хорафий по окружности кирпичной ограды в 165 оргий».

Вместе с тем акты могут дать кое-какой материал, дополняющий книгу Э. Шильбаха. Например, βετίνα как мера оливкового масла (№ 27.20) отсутствует у Э. Шильбаха (ср., однако, βο(υ)ττίον — «бочка»).

Акты позволяют ставить и некоторые общие вопросы византийской метрологии. Как известно, приблизительность измерения характерна для средневековых землемеров вообще — она существовала и в Византии. Так, в дарственной грамоте кувуклисия Стефана от 1017 г. описываются три хорафия размером в 30, 12 и 12 модиев; общий размер их оказывается не 54, а только 50 модиев (№ 22.9—14). Ср. любопытную формулу «больше или меньше», применявшуюся при измерении земли (№ 53.12—15). Подобная система измерения земли объясняет то несоответствие между «декларацией» игумена Лавры и фактическим размером лаврских угодий в хрисовуле 1089 г. (№ 50), которое справедливо отмечают издатели (стр. 266).

⁵³ «В XII в., — писал Р. Гийан, — как будто бы ни один текст не упоминает протоспафариев» (*R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines*, t. II. Berlin, Amsterdam, 1967, p. 110). Впрочем, Р. Гийан допускал, что титул этот, хотя и потерял значение, не исчез совершенно.

⁵⁴ См. *R. Guiland. Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le logariaste, ho logariastes; le grand logariaste, ho megas logariastes.* — *JÖB*, 18, 1969, p. 101 sq.

⁵⁵ *E. Schilbach. Byzantinische Metrologie.* München, 1970, S. 173.

⁵⁶ *Ibid.*, S. 81 f.

Конечно, «47 051, 18 литр» — опечатка; надо: 47 051 модий и 18 литр). Нам не следует преувеличивать строгость византийского землемерства — как и на Западе, здесь многое измерялось приблизительно, на глазок.

Упоминание в купчей 1097 г. монет τῆς τριμμένης ποιότητος, худшего качества (№ 53.21), вводит нас опять-таки в средневековый экономический мир с его многообразием монетной системы и объясняет ту тягу к «предпочтительной» монете, которая засвидетельствована в византийских памятниках начиная с X в. В гарантийной грамоте 1076/7 г. названа монета *τραχὺ σταυρομικηλάτον* (№ 37.26), т. е. монета с изображением императора Михаила, которого издатели безоговорочно отождествляют с Михаилом VII Дукой (1071—1078), полагая, что монета такого типа — хорошая монета, бывшая в ходу в ту эпоху (*la bonne monnaie courante à l'époque*) (стр. 242 и сл.). Они ссылаются на работу С. Моррисон — однако исследовательница характеризует эту чеканку как нестойкую (*une monnaie de faible valeur*), и именно данное обстоятельство служит для нее основным аргументом в атрибуировании монеты Михаилу VII, а не его одноименным предшественникам⁵⁷. Кстати сказать, грамота 1076/7 г. издана в царствование Михаила VII, и выражение *σταυρομικηλάτον* скорее должно было быть отнесено не к чеканке царствующего государя. Все это еще раз подчеркивает сложность проблем, связанных с историей византийской монеты на рубеже XI и XII вв.

Для нашего читателя, естественно, особый интерес представляют те материалы актов Лавры, которые касаются истории славянства и народов Закавказья.

Упоминание болгарских набегов в грамоте патриарха Николая II Хрисоверга от 989 г. (№ 8.11) или сербского посольства к Василию II — в купчей 993 г. (№ 10.12) было привлечено исследователями сразу же после издания этих документов РС. Однако лаврские акты содержат не только данные по политической истории южных славян, но и обширный материал по славянской топонимике и просопографии. Отнюдь не претендуя на полноту использования, укажем на некоторые документы, особенно важные в этой связи.

Деревня τῶν Δραγοβούτων (№ 1.15), т. е. драговитов — дреговичей, несомненно, заслуживала комментария. Ср. еще τὸν Δραγοβιτσοῦ — № 47.29. Славянского происхождения, видимо, и название деревни Ῥαδοχουστᾶς в грамоте 1008 г. (№ 14.4), как и имена Доврилы и священника Иоанна τὸν Ἐβετο ... (испорчено), стоящие среди сигнатур на том же документе (стк. 33, 38).

Деревня Ζιτητῆας (№ 18.33) — видимо, славянское Житица. Славянский топоним и Ζελενητῖα (№ 22.12). Ряд славянских топонимов упомянут в гарантийной грамоте 1081 г. (№ 42), причем некоторые из них учтены в работе Й. Заимова, а именно: Βομπλιάνη (стк. 54), Боблен или Καρυάνη (стк. 52), Кариян⁵⁸. В грамоте 1162 г. названы топонимы Βεσελτσοῦ и Τσερνάχοβα (в 64.35—36). Список этот можно продолжить.

Большое количество славянских личных имен приводится в грамотах 1162 г. (№ 64.93—94), 1181 г. (№ 65.64—74), 1184 г. (№ 66.13).

Наконец, акты фиксируют некоторые славянские слова, вошедшие в греческий язык. Так, несколько раз встречающееся в простагме Андроника I (№ 66) слово *πλανηνά* передается в комментариях (стр. 342) в транслитерации — без разъяснения его славянского происхождения и его значения.

⁵⁷ С. Morisson. Le michaèlaton et les noms de monnaies à la fin du XIe siècle. — «Travaux et mémoires», 3, 1968, p. 371.

⁵⁸ Й. Заимов. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967, стр. 107, 137. Ср. еще топоним Τσεχλιανες (№ 56.5), Чехляне (Й. Заимов. Указ. соч., стр. 182 и сл.). Работа Й. Заимова в комментариях не используется, и самая проблема славянской топонимике не ставится.

Среди сигнатур на грамоте Николая, игумена монастыря св. Ильи, от 1016 г. стоит подпись Герасима, игумена монастыря τὸν Ῥῶς, т. е. Русского (№ 19.37). Уже В. Мошин обратил внимание на эту грамоту, несколько неточно охарактеризовав ее как «акт святогорского протата»⁵⁹; В. Мошин совершенно справедливо видел в сигнатуре Герасима свидетельство раннего появления русских на Афоне. Но В. Мошину грамота была известна только по поздней копии Спиридона, воспроизведенной РС, — теперь издан оригинал, сопровождающийся фотографией (табл. XIV). На фотографии видно, что подпись Герасима Русского сделана твердой рукой грамотного человека (в отличие от многих сигнатур на том же документе): по-видимому, игумен Русской обители на Афоне в начале XI в. был человеком, отнюдь не чуждым византийской образованности.

Для истории связей Закавказья с Афоном существенны прежде всего многочисленные упоминания Ивирского монастыря и монахов-ивиров (см. указатель, стр. 400): Иоанн Ивир поставил свою подпись уже на грамоте афонского прота Иоанна от 996 г. (№ 12.25).

Для исследования греческого книгописания в Ивирском монастыре на Афоне в начале XI в., в период интенсивной переводческой деятельности Евфимия Святогорца, большое значение имеет публикация сохранившихся оригиналов актов № 17 (1012 г.) и 19 (1016 г.).

До сих пор мы не имели возможности изучать греческий почерк Евфимия Ивира: подлинник дарственной грамоты Евфимия духовному сыну Иоанну от 1012 г., которая дарящая целиком была написана рукой знаменитого переводчика, к сожалению, не сохранился, и документ дошел до нас лишь в поздних (XVIII—XIX вв.) копиях (Приложение VI). Теперь, имея в своем распоряжении табл. XI и XIV нового издания актов Лавры, мы можем анализировать две подлинных греческих подписи Евфимия. Это, правда, слишком незначительный материал, который не может дать полной уверенности в том, что с его помощью возможны путем отождествления по почерку находки новых автографов Евфимия Святогорца — целых кодексов, редакторской правки, различных помет и т. п., однако такие поиски даже на основе лишь двух опубликованных подписей могут оказаться небезуспешными — в обеих сигнатурах содержится некоторое количество идентифицирующих признаков (некрупное, аккуратное, с маленьким наклоном вправо письмо, которое можно отнести к типу *Perlschrift*, характерные формы ε и ε в лигатуре с υ, ϑ с наклоном перекадины влево вниз, имеющиеся в подписях сокращения, хотя они и не необычны, и т. д.), которые в сочетании с иного рода данными (история кодекса, наличие грузинских помет, сигнатур и т. п.) могут привести к определению греческих автографов Евфимия Ивира.

Кроме подписи Евфимия, на акте № 19 (табл. XIV) имеется греческая сигнатура Георгия Ивира.

До недавнего времени исследователи греческого книгописания в Ивирском монастыре анализировали лишь рукописи, написанные в начале XI в. рукой монаха Феофана⁶⁰. Публикация фотокопий лаврских актов № 17 и 19 позволяет расширить круг греческих писцов в грузинском монастыре на Афоне. Если раньше можно было лишь предполагать, что Феофан являлся не единственным греческим писцом Ивира, так как большой объем работы Евфимия по переводу греческой литературы на грузинский язык требовал наличия значительного числа греческих книг, а следовательно, и активного книгописания, то теперь можно утверждать, что писец доку-

⁵⁹ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, 9, 1947, стр. 61 и сл.

⁶⁰ J. Irigoin. Pour une étude des centres de copie byzantins. — «Scriptorium», XIII, 1959, 2, p. 200—204; Б. Л. Фонкич. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в. — «Палестинский сборник», вып. 19 (82), 1969, стр. 165—170.

мента № 17 «монах, пресвитер, ученик кир Евфимия» Иоанн и писец акта № 19 «монах, ученик кир Евфимия» Антоний⁶¹ (почерки которых — типичные книжные почерки начала XI в.) также работали в скриптории Ивирского монастыря.

Мы уже говорили, что купчая 1024 г. (№ 25) раскрывает новые черты связей семьи Торников с Афоном: Кондолеонт Торник, известный византийский полководец, постригся на Афоне. Кстати сказать, нельзя ли предположить, что Кондолеонт («Маленький Лев») — то же лицо, что Торник Малый, известный по колофонам грузинских рукописей родственник монаха и полководца Иоанна Торника, современника Василия II?

На грамоте прота Феоктиста от 1035 г. среди других сигнатур имеется подпись (№ 29.20), которая вызывает некоторые вопросы. В комментарии (стр. 185) издатели характеризуют ее как грузинскую или армянскую и, возможно, более позднюю. В дополнениях (стр. 374) они ссылаются на письмо Р. М. Бартикяна от 4.IX.1970, который считает подпись армянской и относящейся ко времени составления оригинала; Р. М. Бартикян читает ее: «im jeŋoks gresⁱ teokt. . mi +» и переводит: «Собственноручно написал Теокт. ми».

Р. М. Бартикян и в письме к П. Лемерлю, и в письме к нам от 13.XI.1971 настаивает на том, что «Теокт» армянской подписи — то же лицо, что и прот Феоктист, греческая подпись которого помещена в документе прямо над армянской сигнатурой. Это утверждение сомнительно: мы не знаем случаев двойной подписи одного лица под афонскими грамотами; армянская подпись следует к тому же за подписью не Феоктиста, а Георгия Ивира. Но независимо от отождествления с одноименным протом Феоктист (армянин-халкидонит) — весьма любопытное явление в культурной жизни Византии XI в. Его подпись — первая известная армянская подпись на афонских актах.

Этот обзор дает далеко не полное представление о богатстве материала «Актів Лавры». Прекрасно изданные памятники в течение долгих лет будут предметом тщательного изучения историков социальной, политической и культурной жизни Византии X—XII вв.

---

⁶¹ В «Житии св. Иоанна и Евфимия» ученик Евфимия Антоний не указан: Anal. Boll., t. XXXVI—XXXVII (1917—1919), 1922, p. 8—68.